

Похвала в древнерусском воинском повествовании

© Н. В. ТРОФИМОВА,
доктор филологических наук

Жанр похвалы, характерный для агиографии, в меньшей степени использовался в воинском повествовании, где он возник из развернутых положительных характеристик князей. С течением времени он стал оформляться с помощью риторических и поэтических средств, а в XVI веке начал соединяться с жанром молитвы.

Ключевые слова: похвала, воинская повесть, летопись, библейские цитаты, риторические приемы.

The praise is a common genre in hagiography and lesser circulated in the military narratives, where it originated from positive characteristics of the princes. Over time it began to take shape with the help of rhetorical and poetic devices, and in the XVI century could be integrated with the genre of prayer.

Key words: praise, a military novel, chronicles, bible quotes, rhetorical devices.

Похвала — один из лирических жанров древнерусской литературы, бытовавший и в виде самостоятельных текстов, и как «малое жанрообразование» внутри произведений других жанров. Помимо похвальных слов, существующих как отдельные тексты, оформленные по законам риторики, наиболее распространены некрологические похвалы в летописях и похвалы, завершающие жития.

В составе летописных воинских повестей похвала появляется довольно поздно и используется редко. Возможно, причина этого явления заключается в православном понимании авторами событий как свершившихся по Божьей воле, лишь орудием которой выступали русские князья и воинство в случае победы над врагами. Похвала в православном миропонимании вообще опасна, ибо связана с гордыней, именно поэтому чаще всего похвальные слова посвящались умершим князьям или почившим святым.

В воинском повествовании Древней Руси встречаются упоминания похвалы, передача ее содержания и включение собственно ее текста как определенной формы. Зарождение элементов жанра похвалы можно

наблюдать в летописных воинских повестях в характеристиках князей, которые давали летописцы в связи с военными событиями. Как правило, они либо содержали перечисление качеств героя, либо использовали библейские цитаты в функции характеристики, иногда объединялись оба компонента. Похвала могла исходить от автора и реже от персонажа произведения.

Так, в Киевской летописи под 1136 годом помещена повесть об усобицах Ярополка с Ольговичами, в конце которой летописец размышляет о поступке Ярополка, собравшего против Ольговичей большое войско, но решившего не начинать кровопролития: «прием рассмотрение в сердце не изиде на нь противу ни створи кровопролитья, но убоявся суда Божия ство/ри/ся мнии в них (ср. Лк. 22: 26), хулу и укорь прия на ся от братье своя и от всех по рекшему: любите враги ваша (Мф. 5: 44, Лк. 6: 27, 35) и створи с ними мир в 12 генваря и целовавше хрест межю собою», и «тако утеша *благоумныи* князь Ярополк брань ту лютую» [1. Стб. 299–300]. Летописец толкует решение героя как исполнение евангельских заповедей, подчеркивая его качества ссылкой на библейский текст и сложным книжным эпитетом. Элемент похвалы включен в повествование, сопровождаемое авторским рассуждением.

В Суздальской летописи повествование 1149 года о битве у Луцка между Юрием Долгоруким с братом и сыновьями и Изяславом с Владимиром выдвигает на первый план фигуру Андрея Юьевича Боголюбского как отважного и опытного воина, в то же время уговорившего отца заключить мир, когда о нем просил Изяслав, чтобы не губить русских земель, хотя не все союзники Юрия были согласны с этим решением. Князь изображается через действия в бою, прямую речь, а затем упоминается похвала ему, высказанная боярами Юрия: «и мужи отни похвалу ему даша велику, зане мужьскы створи паче всех бывших ту» [2. Стб. 325].

В летописной статье 1176 года по тому же своду содержится повесть о походе Михалки и Всеволода на Владимир, чтобы восстановить завещанное отцом престолонаследие. В ней третья часть представляет собой авторский монолог, который содержит похвалу храбрости владимирцев, не испугавшихся силы правящих князей и выполнивших божественную волю при покровительстве Богородицы: «Мы же да подивимся чюдному и великому и преславному Матере Божья како заступи град свои от великих бед и гражаны своя укрепляет, не вложи бо им Бог страха и не убояшася князя два имуще в власти сеи и боляр их прещенья ни во что же положиша, за 7 недель безо князя будучи в Володимери граде толико возложыше всю свою надежу и упованье к святеи Богородице и на свою правду» [2. Стб. 377]. Похвала оформлена однородными членами, синонимами, эпитетами.

В повести 1207 года о походе Всеволода Юрьевича против Ольговичей, приведших половцев на Русь, превознося Константина Всеволодовича как хорошего сына, летописец приводит искаженную цитату из Книги притч Соломоновых: «яко рече Приточник: сын бых послушлив отцю и възлюблен пред лицем матере своея и сын коварен послушлив отцю и плода праведнаго снести» [2. Стб. 430] (ср.: Пр. 10: 1,5; 13: 1; 15: 20; 17:21). При этом автор не подтверждает свои слова текстом, а подбирает цитату так, чтобы она сама раскрывала мысль.

В Софийской I летописи элемент похвалы появляется в рассказе о битве на реке Липице в 1216 году. Боярин Юрия Всеволодовича, предлагающий заключить мир с Мстиславом, Константином и новгородцами, подчеркивает воинскую доблесть противников: «да князи мудри суть и рядни, и хоробри, а мужи их новгородьци и смолняне дерзи к боеви. А Мьстислава Мьстиславича и сами ведаета в том племени, оже дана ему от Бога храбрость из всех» [3. С. 266].

В Пространной повести о Куликовской битве по Новгородской IV летописи уже наблюдаем риторическое оформление похвалы Дмитрию, хотя она остается краткой: «О крепкыя и твердыа дерзости мужество! О, како не убояся, ни усумняся толика множества народа ратных? Ибо въсташа на нь три земли, три рати: первое – Тотарьскаа, второе – Литовьскаа, третье – Рязанскаа. Но обаче всех сих не убояся никако же, не усташися, но еже к Богу верою въоружився, и креста честнаго силоу укрепився, и молитвами Пресвятыа Богородица оградився, и Богу помолися...» [4. С. 318]. Риторические восклицание и вопрос, синонимия, синтаксически параллельные конструкции, морфологическая рифма в их концах создают эмоциональность фрагмента, представляющего собой похвалу-рассуждение автора.

В той же летописи упоминается похвала воинству, произнесенная Дмитрием, передается ее содержание с помощью однородных членов и эпитетов, выстроенных в синтаксически параллельные ряды: «И паки христоролюбивый князь похвали дружину свою, иже крепко бишася с иноплеменики, и твердо бравшеся, и мужески храброваша, и дерзнуша по Бозе за веру крестьянскую» [4. С. 323].

Необычный элемент похвалы содержит повесть о нашествии Тохтамыша в Новгородской IV летописи. Это похвала Москве, предшествующая плачу о разорении города и последовательно построенная на основе триад однородных членов: «И бяше дотоле преже видети была Москва град велик, град чуден, град многочисловечен, в немже множество людья, в немже множество огосподьства, в немже множество всякого узорочья...» [Там же. С. 336]. Эмоциональность этой похвалы подчеркнута анафорическими повторами, синтаксическим параллелизмом и контрастом, который она составляет последующему плачу.

В рассказе о взятии Казани Иваном Грозным в Никоновской летописи появляются фрагменты, соединяющие похвалу и молитву. Сразу после завоевания Казани «... князь Владимир Андреевич и вси бояре и воеводы здравствовали государю: “радуясь, царю православный, Божию благодатию победивый сопостаты! Буди, государю, здрав на многие лета на Богом дарованном тебе царстве Казанском! Ты еси во истинну по Бозе нашъ заступник от безбожных Агарян, тобою ныне бедные христиане свобожаются на веки и нечестивое место благодатию освящается; и впред у Бога милости просим умножити лета живота твоего, и покорить всех сопостать твоих под нозе твои и дать ти сынове наследники царству твоему, да и мы в тишине и покои проживем”» [5. С.213]. Похвала-здравница, обращенная к царю, содержащая мысль о совершенном им богоугодном подвиге и оформленная риторическими восклицаниями-обращениями, переходит в молитву о даровании ему новых благ.

Благодарственная молитва Богу от всех людей, произнесенная во время входа царя в побежденную Казань, включает традиционную для летописных воинских повестей похвалу, содержащую перечисление качеств царя: «Благодарим Тя Владыку Христа, иже в нынешнем роде последнем сиа чудесная соделавша, в темном месте, в запустенной мерзости свету твоему истинному всиавшу, вместо сквернаго Магмета и его прелестников крест свой животворящий и образ свой пречюдный нам грешным показавшу, и иноплеменный род с царями их безвести сътворивше в един час. Слава Тебе, Царю Владыка нашъ Христе, в Троицы славимый, *давый нам такова государя христианом царя в последнее время, якоже прежних царей благочестивых, храбра и мужественна и в заповедех твоих живуще и благоразсудна, милостива, длготерпелива съгрешающим и от врагов нас избавляюща*» [5. С. 220].

Речь митрополита Макария к царю после возвращения его из Казанского похода по существу тоже представляет обширную похвалу, перечисляющую и личные качества царя («неотложную... веру и чистоту и любовь нелицемерную и разсужение благоразсудное и храбрость и мужество и целомудрие»), и его деяния («добре подвизася против сопостат твоих нечестивых царей и клятвопреступников Татар Казанских», «показалъеси великии подвизи и труды, подщался еси данный ти талант умножить (Ср. Мф. 25: 14–30), а разхищенное стадо паствы твоея свободить от работы» (Ср. Ин 10: 11–16), «избавил нас от нахожения варварского», «бедную братию нашу плененую от работы свободы» [5. С. 226, 227]. При этом весь текст речи пронизан мыслью о том, что только Божья помощь и заступление сделали возможной победу над врагом и даны царю в награду за его богоугодную жизнь. Поэтому Макарий также приводит ряд аналогий с правителями, которым была дарована Божья помощь: Константином, Владимиром Крестителем, Дмитрием

Донским и Александром Невским. Заключительная часть представляет собой здравицу царю с обращениями *радуйся* и *здравьствуй* и пожеланиями *на многа лета*. Это самый обширный образец похвалы в летописном воинском повествовании, использующий риторические приемы, библейские цитаты, тропы.

Таким образом, формирование жанра похвалы в летописных воинских повестях шло от простого перечисления качеств или деяний героя с минимальной эмоциональной оценкой к риторически оформленным текстам, использующим тропы и ярко выражающим отношение героев либо автора. В XVI веке похвала начала соединяться с молитвой.

Более разнообразными были похвалы, включавшиеся в нелетописные воинские повести. Обширный фрагмент, условно именуемый «похвалой роду рязанских князей», содержит «Повесть о разорении Рязани Батыем». Эта похвала напоминает некрологические летописные похвалы, но отнесена не к одному князю, а ко всему семейству рязанских князей. Первая ее часть, своеобразное вступление, содержит перечисление разнообразных положительных качеств героев, и христианских, и мирских: «Бяше родом христоролюбивыи, братолюбивыи, лицем красны, очима светлы, взором грозны, паче меры храбры, сердцем легкы, к бояром ласковы, к приеждим приветливы, к церквам прилежны, на пиrowанье тщивы, до осподарьских потех охочи, ратному делу вельми искусны, к братье своей и ко их посолником величавы» [6. С. 152–154].

Затем следует фрагмент, более подробно разрабатывающий мотивы, намеченные во вступлении, который напоминает житийные тексты. В нем развиваются постоянные для агиографии мотивы благородного рождения, благочестивого воспитания, любви к Священному Писанию, целомудренного брака, прилежания в посте и молитвах, милостыни и даже обращения в истинную веру иноверцев. Уделяется внимание, хотя и меньшее, защите земли и веры, причем автор дважды проводит эту мысль. В результате обобщенный образ рязанских князей, созданный похвалой, напоминает образы святых князей-воинов в житиях Александра Невского и особенно Дмитрия Донского.

Эмоциональность похвалы создается рядами однородных членов, фигурой синтаксического параллелизма, анафорой, метафорами и метафорическими эпитетами. В частности, единство славного рода подчеркивается метафорой божественного сада: «Святого корени отрасли и Богом насажденаго сада цветы прекрасныи» [6. С. 154].

В Основной редакции «Сказания о Мамаевом побоище» краткую похвалу произносят князья и воеводы Дмитрию: «Радуйся, князю наш, древний Ярослав, новый Александр, победитель врагом: сиа же победы четь тебе довлееть» [7. С. 46].

Киприановская редакция «Сказания о Мамаевом побоище» (XVI век) содержит похвалу Пересвету, напоминающую летописные тексты,

в отрывке, рассказывающем о поединке: «бе же сей Пересвет, еда в мире бе, славный богатырь бяше, велию силу и крепость имея, величеством же и широтою всех превзыде, и смыслен зело к воинственному делу и наряду» [8. С. 64], а затем в перечислении погибших в битве повторяется последняя часть этой похвалы: «бе же сей удалец и богатырь славен зело и смыслен к воинственному делу и наряду» [Там же. С. 68].

В то же время в этом памятнике встречаем соединение благодарственной молитвы с восхвалением победителя. Митрополит Киприан при встрече князя сначала обращается с благодарностью к Богу, Богородице и Святителю Петру, а затем произносит похвалу Дмитрию: «Како же тебе прославим, господине, мой възлюбленный о Христе сыну, великий княже Дмитрие Иванович, новый Константине, славный Владимире, дивный Ярославе, чюдный Александре? Кое ти благодарение и честь и славу въздадим, яко толико подвизася и трудися за все православное христианство?» [Там же. С. 70]. Прием, лежащий в основе похвалы, – риторический вопрос «как прославлю?» – использовался в житиях в стиле *плетения словес*, а ряд ретроспективной исторической аналогии уподобляет князя равноапостолам и защитникам христианства. Примечательно, что каждое имя сопровождается эпитетом, подчеркивающим эмоциональное отношение к персонажу, которое акцентируется также рядом однородных членов во втором предложении.

Авторская похвала в этой редакции напоминает помещенную в Пространной летописной повести и продолжается благодарственной молитвой, обращенной ко Христу, Богородице и Святителю Петру, то есть композиционно представляет собой зеркальное отражение молитвы-похвалы Киприана. Сходны и приемы в этих двух текстах: вновь появляются риторические вопросы и восклицания, синонимия, эпитеты, синтаксически параллельные конструкции: «О великия и крепкия ревности мужества твоего, великий княже Дмитрие! Како не устращися и не убоися ити за Дон, в поле чисто, противу великих сил татарских! И како сам преже всех начя битися! И како разсекаше измаилтян!» [Там же. С. 71]. Переход к молитве происходит с помощью упоминания о том, что подвиг Дмитрия совершен с помощью Божьей и святых.

Наиболее многочисленны похвалы в «Казанской истории». Они посвящены историческим лицам – главному герою Ивану IV, его служилым князьям касимовскому хану Шигалею и Симеону Микулинскому – и двум важнейшим пространственным центрам – городам Москве и Казани.

Первая часть похвал царю и его воеводам содержит, как и в летописных повестях, перечисление качеств героев, при этом в финальной похвале Ивану IV, как и в похвале роду рязанских князей, используется житийный топос проявления в детстве несвойственных ребенку качеств. Вторая часть в разных формах эмоционально оценивает

деятельность героев. Примечательно, что посмертная похвала произнесена только в адрес Симеона Микулинского, два других героя восхваляются прижизненно.

Похвалы городам произнесены в важнейшие моменты их истории: освобождения Москвы от золотоордынского ига и превращения Казани в христианский город. В обоих текстах первая часть обращена к олицетворенному городу, а вторая носит эмоционально-оценочный характер. Важными приемами в их оформлении становятся антитеза и световая символика.

Особое значение финальных похвал Ивану Грозному и Казани подчеркивается выделением их в отдельные пространственные главы и их риторическим оформлением (подробнее см.[9]).

Таким образом, в нелетописных воинских повестях похвала, сохраняя как основу перечисление качеств героя, приобретает новые черты. Шире используется ретроспективная историческая аналогия, тропы и риторические фигуры, а в «Казанской истории» жанр приобретает и определенную композиционную структуру.

В XVI веке похвалы в воинском повествовании регулярно объединяются с другим лирическим жанром – молитвами. Этот процесс связан с провиденциальной оценкой побед русских войск и отражает общую для эпохи тенденцию к жанровому синтезу.

Литература

1. Ипатьевская летопись. ПСРЛ. М., 1998. Т. 2.
2. Лаврентьевская летопись. ПСРЛ. М., 1997. Т. 1.
3. Софийская I летопись старшего извода. ПСРЛ. М., 2000. Т. 6. Вып. 1.
4. Новгородская IV летопись. ПСРЛ. М., 2000. Т. 4. Ч. 1.
5. Никоновская летопись. ПСРЛ. М., 1965. Т. 13.
6. Повесть о разорении Рязани Батыем // Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2005. Т. 5. С. 140–155.
7. Сказание о Мамаевом побоище. Основная редакция // Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 25–48.
8. Сказание о Мамаевом побоище. Киприановская редакция // Сказания и повести о Куликовской битве. Л., 1982. С. 49–72.
9. Трофимова Н. В. Поэтика жанра похвалы в «Казанской истории» // Актуальные вопросы текстологии: традиции и инновации (Кусковские чтения – 2015): материалы международной научной конференции (20–23 сентября 2015 г.). М., 2015. С. 105–109.

*Московский педагогический
государственный университет*